

РАСПЛАВЛЕННЫЙ РУБЕЖ

Романы, написанные
внуками фронтовиков

Михаил КАЛАШНИКОВ

Михаил Александрович Калашников

Расплавленный рубеж

Серия «Боевая хроника.

Романы о памятных боях»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69759541

Расплавленный рубеж: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-192959-6

Аннотация

Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц – страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина.

Лето 1942 года. Фашисты рвутся к Дону. Наши части отчаянно защищают наспех укрепленные рубежи. Настоящей крепостью стал неприступный Воронеж. Красноармеец Роман родился и вырос в этом городе. Теперь он в числе его защитников и должен остановить врага... Немцы обрушиваются на наши позиции всей своей мощью. В какой-то момент Роман понимает, что вот-вот наступит развязка. В отчаянии он забирается в подбитый советский танк, где находит неотправленное письмо погибшего танкиста. Все, что случится потом, можно назвать настоящим чудом...

Содержание

1	5
2	9
3	17
Заметка первая	26
4	28
5	35
6	40
Заметка вторая	46
7	48
8	55
9	61
Заметка третья	72
10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Михаил Калашников

Расплавленный рубеж

© Калашников М.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

1

В Кольцовском сквере каждый день выкладывали цветами на зеленой клумбе год, число и месяц.

*Потом пришли немцы, и время остановилось.
Григорий Бакланов. Пядь земли*

Сдаваться без боя Город был не согласен. Почти год его колотило и трясло, но в этой лихорадке Город набирал силу. Теперь он был опоясан рвами, змеями траверсов, колючими оградами, крыши домов ошетились зенитными пулеметами. На перекрестках выросли стопки мешков с землей, на улицах появились ежи из рельсов. Казалось, Город, подобно кошке, приготовившейся к драке, вцепился в землю, собираясь дать достойный отпор врагу.

Война вымела из квартир мужчин, разбросала их по фронтам, опустошила фабричные цеха: дизеля и станки увезли на необжитые места и в пустых заводских стенах сиротски хлопали крыльями голуби.

Но еще звенел на проспекте трамвай, выходили газеты, вверх по реке плавали прогулочные катера, вывозя детвору в лагеря на каникулы. Город старался жить, он еще не пал духом. Был у него Праздник конца учебного года, и враг его не запретит. Жители бодрились: наварим леденцов, проведем веселый утренник, наплюем в рожу поганой войне.

Пионерский парк принимал гостей. Работал прокат, в нем

за определенную плату выдавали во временное пользование кукол и деревянных лошадей, самокаты, кегли. На тропинках было множество белых пионерских панам. На маленькой полукруглой сцене перекликались два баяна – учитель с учеником. На крытой летней эстраде проводились конкурсы. Над фонтаном разлетались радужные брызги, площадки для игр были забиты детворой. Родителям в парке не было места, они сгрудились в тенечке за оградой, под акациями.

В июне, в черную дату чертовой дюжины, над Городом загромыхало. Загудели небеса. Зверинец за техникумом почувал страх прежде людей – в нем раздавался на разные голоса вой. В парке крики, смех, оркестр наяривает, давно праздника не было, и люди веселились. Когда небесный гул накрыл парк, разбежаться было поздно. Молотящие воздух винты прошлись над зелеными макушками деревьев. Оборвались недоигранные ноты, раздались крики детей, вопли матерей... На свежоокрашенных стенах павильона, на панаммах, клапанах баяна появились яркие брызги крови... Россыпь шахмат, перевернутый велосипед, пионерские галстуки вперемешку с белоснежными блузками. Деревья как рождественские елки, обряженные в кровавое тряпье и оторванные конечности. На месте зрительских лавочек образовалась разрытая дымящаяся яма.

В окрестных домах ни единого целого окна, где-то сорвало жестяную крышу, как скальп с головы. Раздался звук за-поздалой сирены, зазвучали клаксоны карет «скорой помо-

щи»... И снова гомон со стороны зверинца, теперь не тоскливый, а дикий, споривший с материнским воем, покрывавшим крики раненых детей.

Прикатили несколько городских трамваев. На рифленых листах вповалку были уложены стонущие раненые. В хвосте каравана двигалась грузовая платформа с мертвыми...

В сквере в день похорон проводился траурный митинг. С окраин Города приволокли «мессер» с погнутым пропеллером, дырками на крыльях. Может, это и был тот самый подбитый самолет из тех, что убил детей в пионерском саду.

Разрезанный рекою с севера на юг Город отправлял на фронт, эвакуировал, готовился к отражению удара. Два его берега связывали мосты. Самый южный и самый новый, детище индустриального века – ВОГРЭС. Под боком у него гидроэлектростанция, от нее аббревиатура. На бетонных арках лежит дорожное полотно и две пары трамвайных рельсов.

У среднего моста богатая биография: с екатерининской поры он устроен на этом месте. Новая эпоха его переродила, из деревянного он стал каменным. Когда-то роща здесь дубовая стояла – Чернава, от той рощи и название мосту было дано.

Северный мост – удаленный, он в стороне от Города. В этом месте полуостров разрывает реку на два рукава, а пара мостовых пролетов, кинутых от полуострова, связывают левый и правый берег. Машинам здесь не пройти, две железно-

дорожные колеи на нем. За мостом, на левом берегу – стародавнее село, еще с допетровской эпохи, зовется Отрожкой. По нему и мостовая пара названа.

В эти дни на мостах бурлит жизнь. Передвигается народ, едут теплушки и платформы. А река под мостами течет все такая же тихая. Не колыхнуло ее пока самолетной бомбой, не потревожил донную живность залетный снаряд, не вздыбили водяные фонтаны пулеметные пули.

2

У войны не женское лицо, но легкая женская поступь:

Беспечная и сокрушительная, словно первый весенний дождь.

Егор Летов. «У войны не женское...»

Из распахнутого окна тянуло утренним холодком. Скоро подъем, и казарма (бывший школьный класс) встанет с ног на голову. Замелькают тела в армейском белье, руки с расческами над растрепанными головами, швабры, тряпки, гимнастерки, сапожные щетки. Зазвучат привычные казенные команды, разбавленные неуставными словечками:

«Наряд, строиться! Кто на дежурство? Девчонки, со смежной не затягивайте, разводящую свою толкните, не проснется никак».

Адель заглянула в крохотное зеркальце. Черные брови с широкой прогалиной над переносицей, такие же черные глаза, почти как у галки, аккуратный нос и губы, едва раздвинутые в улыбке. Пухловатое после сна лицо. Да нет, не только после сна, оно у нее всегда не худое. С детства ее награждали обидными кличками за полноту, неповоротливость. Когда другие обдирали коленки, лазая по веткам, Адель суежилась внизу. Она со всем имеющимся у нее упорством старалась поспеть за компанией, выжимала из рук последние си-

лы, из глаз текли слезы, но влезть на дерево не получалось.

Мальчишеские игры закончились, но и после детства ей тоже не везло. Ровесницы влюблялись, часто им отвечали взаимностью, Адель же только вздыхала. Она понимала, что ее вряд ли кто-то выберет, ведь в моде нынче осиная талия, тонкая щиколотка и лебединая шея, поэтому сразу ополчилась на весь мужской род и на самых стройных подруг.

Мать как могла утешала: глянь на мои фото, я тоже до родов была пышкой, но твой отец увидел во мне красоту. Для него не стало препятствием, что я другого племени. Он рассорился со своей родней, которая хотела видеть рядом с ним католичку и польку, я рассорилась со своими. Когда грянет любовь, то не будет границ между верой и родом, она всех примирит и все уравниет.

Адель долго перебирала свадебные карточки родителей и верила, что удача будет сопутствовать ей только на новом месте. Ждала с нетерпением окончания школы, а там Львовский университет, новая жизнь, новые лица и...

Когда в начале учебного года город заняли красноармейцы, Адель и это событие связала с будущими переменами. Теперь она, ее родной город и все, что ее окружало, будет жить в новом государстве. Ну разве это не знак свыше? Ей выдали новый паспорт, и в нем она пожелала быть записанной Аделаидой: новый документ, новое имя, новая жизнь.

Она преуспела за год в изучении языка и поступила в институт республиканской столицы. Киев встретил ее боль-

шим количеством транспорта на широких улицах и сутолокой. Закатанные асфальтом мостовые, радужные клумбы, усыпанные каплями воды, звенящий трамвай, дворцы культуры, библиотеки, концертные залы – все было внове. Были и новые знакомства, и подруги, и Витя из Днепропетровска, оказывающий робкие знаки внимания. Все было. Без малого год.

После сдачи последнего летнего экзамена жизнь полетела еще стремительней, еще неудержимей. В этот раз не на взлет. Родной город с первых дней оказался в прифронтной полосе, транспорт туда ходит только воинский, попасть в него невозможно, да, видимо, и смысла нет: фронт пятится, город ее приграничный, наверняка обречен на сдачу. Родителей Ада видела лишь зимой. Они просили приезжать чаще – на католическую Пасху или хотя бы на Первомай. Им ведь не объяснишь, что ей, комсомолке, теперь в храм ходить неприлично и даже зазорно. А Праздник Труда в Киеве – разве можно променять на что-то иное? Если б знать, что все так случится... Примчалась бы к родному дому без повода и праздника, встала на колени перед родителями и поблагодарила бы за их любовь. Отец никогда не оставит мать, скорее, ложно назовет себя евреем и вместе с нею пойдет на муки.

Остается только мстить.

Аделаида вновь повесила на шею распятие и образок Пречистой Девы. Хотела из солидарности к матери нацепить и звезду Давида, но, осознав, что это будет кошунство, отка-

залась. Тайком от соседок по комнате она стала на рассвете шепотом читать молитвы, которые помнила, просила лишь одного: чтоб жили родители.

Адель вместе с тысячами добровольцев рванула к военкомату. Там оглядели ее неповоротливую, с массивной грудью фигуру, заметили неуклюжесть и посоветовали ехать домой. А когда узнали, что дом разорен и туда не добраться, рекомендовали записаться в связистки, радиотелефонистки, шифровальщицы, на худой конец, санитаркой в тыловой госпиталь – в общем, туда, где можно быть подальше от фронта. Ада настаивала: душа комсомолки требует не просто воевать, она взывает к мести. В военкомате еще раз оглядели полноватую фигуру, про себя подумали, что это здоровое тело могло бы выносить и выкормить с десятков будущих солдат, но, хмураясь, выписали бумагу в учебный зенитный батальон.

Несколько месяцев учебы, потом этот Город. Неуклюжесть и полнота в девушке поубавились, военная выучка пошла на пользу. Режим, рацион, тренировки делали свое дело. Армейская форма подчеркивала ее заметно похудевшие формы.

Стрелять не по учебным целям уже приходилось, но счет пока оставался сухим, как говорили на матчах до войны. Командир каждый раз подбадривал:

– Милые девушки, ваша задача – не столько сбить противника, хотя и это не возбраняется, сколько создать над го-

родом огненную завесу и не допустить врага к низким высотам, к точному прицеливанию. Своим огнем вы заставляете его нервничать, не даете снижаться, он сбрасывает бомбы где попало, и это уже победа.

Ада слышала его болтовню, в голове, помимо не утихшего после боя звона, вертелось: «На этот раз фашистские самолеты ушли от меня, но ничего, будет еще попытка». Она не раз задумывалась: «А вдруг я и правда однажды собью? И вдруг он упадет на землю и взорвется в том месте, куда не упала бы его бомба, не зацепи я его? Скажем, на госпиталь или бомбоубежище детского сада. Получится, что я не мститель? Убийца детей и калек?»

Мысли ее оборвала завывшая сирена, в бывшем классе поднялся переполох. И каждый раз так: зазвучит сигнал тревоги, зенитчицы мечутся в суматохе, совершая кучу лишних движений, в спешке собирают оружие и амуницию – никак не привыкнут к сигналу тревоги. Но когда все расставлены по номерам, заправлены ленты и взведены курки, тут не до суеты. Мысли работают четко, движения выверены.

Над крышами появилась самолетная пара. Знакомые старые гости – «лаптежники». Желтые стойки шасси под серо-синим стальным брюхом, как куцые утиные лапы. В прозрачном саркофаге кабины торчит голова в кожаном шлеме. Под шлемом мысли: «Ну здравствуй, новая точка на карте! Чем порадуешь? Думаю, вряд ли удивишь. В Тобруке и Ливийской пустыне я повидал многое. Где тут у вас вокзал, ми-

лые хозяева? Scheiße! Вы и правда гостеприимны, успели поцеловать в крыло. Надо ответить взаимностью. Удобная позиция у вас, удобной будет и могила. Что замерли, детки? Выжидаем? Дядя Эрих рядом, сейчас будет раздавать подарки. Какие-то странные фигуры... из-под шлема косички... А у этого юбка? Даже вымя под кителем вон у той! Хах, по бабам работать еще не приходилось, такого не было даже в Тобруке! Ну держись, шлюха. Ответишь за рану на крыле моей голубки... Scheiße! Метко бьешь, коммунистка... Придется скинуть груз над кварталами, голубка моя чахнет... Я не говорю вам прощайте, милые дамы, я говорю – до скорого свидания! Такого не было даже в Тобруке».

В него она попала, Ада видела это. Хоть и не всей очередью, а лишь краем, но ему хватило. «Лаптежник» рано вышел из пике, и приготовленная для зенитчиц бомба, не долетев, угодила в мостовую. Следить, что будет с самолетом дальше, не было времени, в небе и без того хватало гостей. Где-то за увалом крыши часто кашляла скорострельная пушка соседнего расчета. Отдельным басом гремел голос командира на дальномере, сильно разбавленный дублирующими девичьими отголосками.

По жестяной крыше июльским ливнем стеганули осколки. Пронзительно крикнула подносица снарядов и схватилась за поясницу. Оля Польшина. Как и Адель, бывшая студентка, любившая вышивать и читать стихи. На прошлой неделе в воскресенье, по время полкового досуга, Оля вышла на

импровизированную сцену, стала громко читать:

*Я говорю с тобой под свист снарядов, угрюмым
заревом озарена. Я говорю с тобой из Ленинграда, страна
моя, печальная страна...*

*Кронштадтский злой, неукротимый ветер в мое
лицо закинутое бьет. В бомбоубежищах уснули дети...*

На этих словах голос ее дрогнул, подбородок запрыгал, она опять попыталась продолжить читать стих, но еще больше стали душить слезы, и она стремительно скрылась за кулисой. Оля, как все, любила сладкое, любила поэкспериментировать с прической, любила тайком вылезть на крышу и, спрятавшись в укромном прогалке между двумя слуховыми окнами, позагорать.

Срезанный осколком брезентовый ремень мертвой змеей упал к ее ногам. Ноги выбивали по крыше дробь, подошвы ботинок ляпали по натекшей кровавой лужице, пятнали рукава подскочивших санитарок.

Ада лишь две секунды смотрела на все это. Затем в ее каску что-то стукнуло, потом ее дернули за плечо. «Продолжать огонь», – прогремел в ухо мужской голос, и еще двинули чем-то железным по каске.

Турель с четверкой рифленых пулеметных кожухов завращалась. Чехарда команд и цифр, перезарядка, заправка новых лент. В небе полно дымных облаков, они сползаются в тучу. За темным смогом прячутся «гости», наверняка само-

леты успели смениться раза по три, так казалось Аделаиде, не могут же одни и те же так долго кружить над ними. Ада отпустила гашетку и слышала сквозь гул пылавшего Города, сквозь визг моторов в небе, как шипел кипятик в раскаленных кожухах ее счетверенных стволов пулемета. Намокшая форма и белье липли к подмышкам, животу, с лица пот она уже не вытирала. Руки от напряжения заметно дрожали, перед глазами плыли радужные пятна.

«Сознание не потерять бы», – успела произнести Аделаида или просто подумала про себя.

3

Дон в этом месте неширок, Роман сплавлялся по нему вплоть до Ростовской области. Хоть и давно это было, лет восемь назад, а такие приключения не забываются. Дядька тогда расстарался для Романа: нанял у знакомого лодку с мотором, собрал харчей на полмесяца, достал у другого знакомого палатку, выпросил отпуск.

Они плыли вниз по реке и почти не налегали на весла. Течение несло их мимо залитых солнцем берегов, изумрудных лугов с пятнами рыжих коровьих пастбищ, мимо меловых скал и холмов, откуда доносились запахи чабреца, мимо старых верб, спускавших низко к воде толстые ветви. С ветвей прыгали в воду мальчишки, радостно махали проплывавшей лодке, кричали приветствия. Дядька иногда подгребал к крупному селу с пристанью, ходил в местное сельпо подкупить хлеба и крупы для кулеша, племянника баловал бутылкой ситро и ванильным пряником. Ночевать всегда останавливались на пустынном берегу, подальше от села или хутора, чтоб берег был удобный и желательно с пляжем. И на следующий день плыли мимо них опять песчаные широкие косы, табуны и стада, огороды с капустными головами и огуречной ботвой, резные перила аккуратных плавучих пристаней, симпатичные фронтоны дебаркадеров, а на них все новые названия мест и селений.

Дядька показывал на ту или иную меловую гору, пояснял, что раньше здесь была церковь или даже пещерный монастырь, но теперь засыпанный, исчезнувший. Произносил названия тех стертых с лица земли монастырей. Роман просил дядьку остановиться и поискать вход в пещеру. Дядька как мог отбивался от просьб, мол, опасно это: пещеры и обвалиться могут, и рассказывают, будто монахи в них до сих пор тайно живут, а что у них на уме, у этих монахов – бог знает. Небось не любят, когда их тревожат. Не помогало и это. Тогда стал пугать племянника иными страхами: милиция у пещер дежурит, кого поймают – в тюрьму могут посадить как «сочувствующего прежнему строю и верующего». После этих баек Роман затихал. Уже за Павловском дядька сжалился, и в одну пещеру им все же удалось попасть. Среди меловой осыпи дядька отыскал низкий, почти заваленный вход. Они зажгли стеариновую свечу, с которой по вечерам укладывались спать, и зашли в темную пещеру.

Стены в основном были гладкие, но по надписям на них Роман понял, что они с дядькой здесь далеко не первые гости. В одном месте дядька остановился у необычного рисунка, вырезанного в меловой стене. Он изображал длинную ладью с растянутым парусом и огромную пальмовую ветвь. Дядька сказал тогда: «Глянь, Ромка, как в старину люди по Дону плавали. Видать, из теплых краев были: видишь, пальма у них. Жаль, до Цимлянска не доплывем. Там весь склон меловой буквами и крестами изрезан, кто-то древний ста-

рался, не по-нашему написано».

Цимлянска и вправду они не увидели, дошли только до казачьих рубежей. Обратное пошли на моторе, малым ходом, экономя солярку. Когда дядька видел в займище трактор или грузовик, непременно причаливал, брал канистру для топлива и недолго о чем-то беседовал с шофером. Возвращался всегда с полной канистрой. Опять мимо них поплыли берега, но уже в обратную сторону.

...Роман смотрел на узенький мост. Шаткий дощатый настил, хлипкие перильца, зыбкая основа понтонов, ходившая под легкой волной. Сбоку от моста, на дополнительном понтоне – низенькая конура бакенщика, теперь – комендантский КПП. По мосту ползет бесконечный поток, состоящий из автомобилей, людей, из рогатой скотины, бронированных машин. Раздаются брань, угрозы, мольбы. Кругом царит горе, сутолока. Пятый день нет конца этому потоку, он течет на восток, подальше от фронта.

Левый берег сразу за мостом: ровный, пологий, далеко просматривается – луговина, одним словом. Потом небольшой бугор, на нем запасные позиции. От них до моста метров семьсот. За спиной и чуть слева – деревенька. Там тоже позиции, стоит соседняя рота.

– Видать, крепко нам врезали, – болтал кто-то сбоку от Романа. – Да ничего, Дон-батюшка «его» удержит. И мы упремся.

– Интересно, мост будем рвать?

– Не «ему» ж оставлять? Рванем, командиры не дураки. Как последний человек перейдет на наш берег, так у «него» под носом мост и взлетит.

Роман посмотрел в сторону болтавших. Оценивающе глядел на правый берег солдат Лямзин. Длинный, худой, гибкий, как кнут, лысоватый, ему далеко за тридцать. Нос у Лямзина тоже длинный, прямой – киль корабельный. В худобе его кроется дикая сила. На марше Лямзин не знает усталости, при строительстве понтона он легко ворочал бревна и чуть не сам выдернул из прибрежной грязи завязшую пушку. Он никого не боится, даже младших командиров, и, случается, грубит им. Но силу и прыть свою проявляет редко, когда уже совсем прижимает совесть или что там у него вместо нее находится. Чаше уходит в сторонку, закуривает, чешет языком: вспоминает, как был первым парнем на деревне, как крушил ребра дерзким соседям. В деле его не видели, но проверять похвальбу Лямзина возможности не было.

Рядом с ним Опорков. За глаза его зовут Лямзинская Шестерка, верный подпевала, хотя мог бы вести свою линию, но его хватает лишь на роль ведомого. Весу в нем под центнер, руки толщиной в приклад от ручного пулемета, грудь широкая, рельефная, волос белый, между зубов щель, лицо ладное, глаза с ехидным прищуром. С Лямзиным они с первых дней сошлись и стали один другого поддерживать. В наряды и на службу они ходили в числе последних, а вот потравить байки и потрепаться – нету им равных. Взвод против них

слова не скажет, связываться с парочкой нет охоты.

– Отчего вышло так, Саня? – Опорков будто теперь, на второй год войны, задался насущным вопросом.

– Не знаю, Алеха, не знаю, – отозвался Лямзин, хотя в голове его уже были готовы варианты ответов. – Много тут всего. Вишь, и техника у «него», и оружие, и связь. Все схвачено, а мы только глаза открыли. Дали мне эсвэтэшку, а я б лучше с «моськой» воевал, с нею привычно. А «светка»¹ капризная, зараза, ухода требует.

– Вся Европа на них работает, – вставил Опорков.

Лямзин кивнул:

– Потом, опять же, первый удар за «ним» остался. Ты в шахматы играть умеешь?

– Ну, знаю, как фигуры ходят, – уклончиво ответил Опорков.

– Вот вроде равное по фигурам сходство: и ферзи у обоих, и слоны, и кони, а все ж таки за белыми преимущество. Вот считай, что они белыми в этой войне играют.

– Да все проще гораздо, – влез к ним в разговор Роман. – Просто взять немца среднего и нашего вояку и один на один бросить, то немец сверху окажется. У немца выучка, закалка, воюет он дольше нашего.

– Это с чего такие наблюдения? – улыбнулся Лямзин.

– Да в госпитале один говорил, – смутился под его взглядом Роман.

¹ Самозарядная винтовка Токарева (СВТ).

– А ты сам-то немца живого видел? – уже сурово поинтересовался Лямзин.

Роман чувствовал себя неуверенно под этим взглядом, он хотел отвести глаза, чтобы не видеть эту полупрезрительную ухмылку, ибо знал, что поднимут на смех, не поверят и на все доводы будут бросать: «Тебя в тылу ранило, ты и до фронта-то не доехал», – ведь сам Лямзин и вправду не видел немца, он только зимой попал в сколоченную дивизию. Но Роман выдержал взгляд Лямзина и негромко выдавил:

– Видел. Вот как тебя.

– Ну, и он тебя или ты его?

– Он меня.

– Так по себе-то не суди. Мне б попался, другой финал бы вышел.

– Не бойся, еще попадетя.

– Я и не боюсь, только не равняй нас всех под одну гребенку. Зелен еще. Хоть и немца видел.

Лямзин отвернулся и что-то спросил у Опоркова. Роман их уже не слышал.

Ему вспомнилась та зимняя валдайская ночь, чистая глубина неба, зубчатый ельник. Разведгруппа ползет по снегу, рядом с лицом Романа мелькают валенки и маскировочные брюки. У проволоки группа разделилась. Романа вынесло прямо на залегший в неприметной воронке «секрет». В ней наверняка спали, а иначе успели бы пальнуть в небо ракетой или просто выстрелить. Роман увидел каску, выкрашен-

ную под цвет снега, шарф, намотанный по самые глаза, блеклое пятно лица. На замахе Роман услышал, как трещит под стальным лезвием пропарываемый маскхалат, ватная телогрейка и ткани его живота. Свой удар он все же завершил, хоть и корявый он вышел, вполсилы, смазанный из-за вылетевшего навстречу штыка. Приклад прошелся вскользь по выкрашенной в белый цвет каске, больше звону было в нем, чем пользы. Над ухом у Романа грохнула короткая очередь. В воронке, куда они провалились с напарником, все стихло. Впереди ударили два чужих пулемета. Скоро к нервно дышащему напарнику добавились еще два с шумом дышавших человека. Романа уложили на стволы ружей, как на носилки. В боку жгло, и в такт с бежавшими носильщиками что-то билось об ляжку. Роман с ужасом думал, что это выпавшая требуха, но посмотреть боялся.

Стоит ли рассказывать о своей встрече с фашистами Лямзину?

В это время Опорков показал на левый берег:

– Гляди, какие танки у нас, первый раз вижу. Американские, что ли?

В хвосте автоколонны, метров за триста от нее, из-за бугра выползли два танка. Короткоствольные пушки, гусеницы, угловатые передки, гибкие антенны. Башня передней машины была укрыта пропыленным красным полотнищем.

– Может, не наши это? – сказал Роман.

– Ну, чудила, флаг не видишь будто бы? – прыснул Опор-

ков.

Ветром колыхнуло угол вымпела, на секунду мелькнул белый круг с черной свастикой. Роман быстро перевел взгляд на Лямзина с Опорковым. Они тоже заметили обманчивый флаг, лица их окаменели, глаза расширились. Первым очутился Лямзин:

– К траншее, бегом!..

От деревни возвращались двое солдат с касками в руках. Один держал каску перед собой и нес, будто боялся расплескать что-то, другой нес ее за подбородочный ремень, легко помахивая, словно жестяным ведром. Ощувив тревогу, они перевернули каски, торопливо нахлобучили их на головы. Под ноги им посыпались желтобокие яблоки.

Роман в два прыжка добрался до своей ячейки. Оба танка замерли, сделали по выстрелу. Снаряды взорвались за мостом. Все, кто были на правом донском берегу и не успели взобраться на понтон, разбежались в стороны, растеклись вдоль реки слева и справа от моста. Кто-то барахтался в реке, кто-то вскачь бежал по узким торцам понтонов, срывался и тоже падал в воду. Поток из людей, машин и скота стал быстро освобождать мост. Гудели на холостых незаглушенные моторы, лошади били метелками хвостов по бокам, разгоняя назойливых июльских мух. Шоферы разбежались вдоль берега вверх и вниз по течению, прятались в береговых зарослях, толкались на мосту с пехотой и беженцами.

Вслед за парой танков из роши вынеслись несколько бро-

нетранспортеров. Из задних отсеков бойко полезла наружу пехота в незнакомой форме. Теперь и Лямзин увидел немца.

Заметка первая

Славянская речь впервые зазвучала на берегах реки еще на заре новой эры. Под именем венетов пришли сюда люди и поселились на столетие. Вырыли полуземлянки и обшили в них стены тесом, возделали землю, с молитвой уложили в нее злак, закинули в реку невод, а из прибрежной глины вылепили сосуд. А вскоре наступили времена великих народных переселений, которые коснулись и этой местности. Гуннская волна разогнала славян, они ушли на север, в угро-финские земли, и смешались с аборигенами. Через четыре столетия после гуннов славяне вернулись на реку, но уже не как венеты, а как вятичи. С запада, с берегов Десны, Сейма и Северского Донца пришли собратья вятичей, такие же славяне – северяне. Они дали здешним рекам и урочищам свои названия: Елец, Усмань, Овчеруч, Воронеж.

Степь пропускала через себя новые кочевые орды, то аварскую, то венгерскую, но славяне сидели здесь крепко: основали черноземную Атлантиду – величественный Вантит. Опять плели корзины, ковали жало для стрелы и рала, встречали торговых людей из далекой магометанской стороны, настороженно и часто не по доброй воле принимали заморскую княжью веру и снова, утерев подолом мокрый лоб, с любовью и новой молитвой клали жито в чернозем. Отгоняя печенега

и хазарина, прожили здесь славяне до половецких времен, но не столько кипчаки опустошили эту землю, как «свой брат», соседний князь.

Ушли вятичи и северяне из Дикого поля в дикий северный лес, города и селения пожгли либо просто покинули. И вновь вернулись в самый лихой момент – в монгольское время. Не побоялись хищного соседа, как не робели перед ним и прежде, во времена других кочевавших в Поле степняков. Земля не пустовала, и народ в ней был, и перезвон колокольный звучал. Пела тугая тетива, свистел аркан, рассекала воздух сабля – учились славяне новой тактике, как одолеть монголов их же оружием. Ковалась в вольных просторах будущая общность для донского казачества, что уйдет потом ниже по Дону, подальше от власти, поближе к вольнице.

Как жаль, что в транспортерах нет крыш. Тяжелая черноземная пыль падает клубами на плечи, головы и оружие. Хотя, будь крыша, в этой консервной банке люди умерли бы от жары. Шлем раскалился на солнце так, что невозможно дышать. Во фляжке почти пусто. Быстрее бы Дон. Те, кто смогут победить в бою, вволю напьются.

Солдаты расселись спинами к бронированным бортам машины. Оружие зажато меж колен, приклады на кочках стучаются о стальное дно. Под ногами перекачивается армейское барахло, просыпанные патроны. С краю от двери сидит юноша, ефрейтор Вольф, Малыш Вилли, как его зовут в роте. Он и правда невелик ростом, но крепок и может, навесив на себя гирлянду пулеметных лент, идти без усталости в гору. Ему едва за двадцать, воюет уже два года. Во Франции их дивизию отправили не через Бельгию, а напрямик – штурмовать Линию. Это были первые бои Малыша Вилли, самые тяжелые.

В роте с Малышом служили тогда два фельдфебеля, оба ветераны Великой войны. Спасибо им. Они многому научили. Старик Берковски, правда, застал самый конец той бойни, а вот старик Кропп начал войну с Вердена. Как и отец самого Вилли. Вольф-старший потерял там левую ступню, и ядовитое облако вдобавок выжгло ему легкие. Но девушка,

что ждала его дома, не отказалась от него, и они поженились. Вилли было четыре, когда ему стала понятна ругань матери.

– Зачем ты наплодил их? – кричала она мужу, тыча в сторону Вилли и его старшей сестры. – Зачем они нужны были тебе, развалина ты этакая? Осколок человека!

– Прости, дорогая, что желал этих ублюдков! Прости, что не сдох «там» или в госпитале. Прости, что любил тебя и хотел подарить хоть какое-то счастье.

– Лучше бы ты подарил нам немного еды.

Отец, проклиная все, напяливал на себя потертый мундир с одинокой наградой на груди, брал под мышки костыли и шел к гостинице просить милостыню. Мать крупно натирала брюкву, смачивала ее каким-то суррогатным маслом и, раздав детям, шла работать за гроши. Потом Вилли узнал, что она приторговывала собой. Отец кричал об этом на весь их крохотный закуток, и каждый раз, когда это случалось, мать говорила:

– Ну и чего ты разошелся? В первый раз, что ли? Что изменилось с прошлого случая? Попривык бы уже.

Отец не свикался. Как не мог свыкнуться с горечью об утраченной стране с великим прошлым и туманным будущим. Редко он говорил об этом со своими детьми, и Вилли думал тогда про себя: «Мы все вернем, отец», – но вслух ничего не говорил.

Как бы отец встретил фюрера, если бы дожил до светлых времен? Наверняка бы боготворил. Фюрер дал работу,

дал стабильность, дал таким, как старший Вольф, достойную пенсию. Надежды и чаянья скоро стали обыденностью.

И он, Малыш Вилли, один из воплощений этой обыденности. На его руках кровь как минимум дюжины жабоедов. Тех, порубленных в бетонном бункере его гранатами, он видел точно. Плюс те, которых достал из карабина, но их сосчитать сложнее – в бою пули летят не только из карабина Малыша Вилли. Это его личный вклад в унижение Франции, главной виновницы бед его семьи и его государства. Жаль, там запрещали вести себя как подобает настоящему солдату, придумали нормы и правила. Они стесняли солдатскую душу, не давали ощутить себя хозяевами на завоеванной земле. Всего этого здесь, на Восточном фронте, нет. Война тут истинная. С узаконенным грабежом, с безнаказанным убийством. Такой войны не было со времен Валленштейна. Мы ворвемся в этот город и устроим в нем «Магдебургскую свадьбу».

В дивизию Вилли прибыл недавно, в апреле, а на фронте она с начала восточной кампании. Из крупных побед – бои под Киевом, окружение армий красных в Брянске и Вязьме. Люди здесь опытные. Напротив Вилли в транспортере сидит угрюмец Гуннор. Он то ли швед, то ли датчанин. До мобилизации работал в порту где-то на севере. На груди его красная нашивка – медаль «За зимнюю кампанию». Сами награжденные зовут ее «мороженое мясо», и за цвет колодки, и... они знают, над чем шутят. Гуннор прибыл прямиком с курорта.

На Крите он провел четыре месяца, залечивая больные ноги и пытаясь избавиться от кошмаров, мучивших его по ночам. До конца вылечить ни то ни другое не удалось. Гуннор, когда спит, часто вздрагивает, порою кричит. Сейчас он дремлет. Или просто притворяется, зажмурив глаза.

Вилли не хочется говорить, ведь, когда открываешь рот, в него попадает въедливая пыль. Но скучно, молчать надоело. К тому же он заметил: чем ближе дело к бою, тем сильнее его тянет на разговоры.

– Гуннор, как погода на Крите? Жарче, чем здесь? – дернув сослуживца за штанину, прокричал Вилли.

Гуннор открыл глаза, немного пришел в себя, похоже, он и вправду спал.

– Нет, на Крите рай. Это еще не жара, Малыш. Вот когда заговорят пушки красных, ты почувешь температуру.

– Ты был во Франции, Гуннор? – не унимался Вилли.

– В Дюнкерке.

– С кем сложнее воевать? Наш старик Кропп говорил, что ему тяжелее было под Верденом. А на Восточном фронте, сказал Кропп, был санаторий: стреляли редко и русские с неохотой шли в атаку.

– Мне тяжело судить Кроппа, ту войну я не застал, мне было тогда десять лет. Верден, конечно, был адом, иначе о нем столько не говорили бы до сих пор. Но в эту войну все изменилось. Франция сдалась через месяц. Где их Верден? Линия не стала новым Верденом. А красные... Боюсь пред-

ставить, сколько они еще продержатся.

– Как только мы перекроем Северный морской путь и отрежем дорогу в Персию, им без английской поддержки крышка. Они воюют заокеанским оружием и жрут калифорнийский яичный порошок. Мы отберем у них американские танки, отберем тушенку, и они передохнут от голода.

Гуннор слабо улыбнулся:

– Не верь всему, что пишет тебе агитка, Малыш. А Ленинград, кстати, до сих пор не «передох», хотя не знаю, как они вынесли эту зиму. Мы пережили ее в теплых избах, на усиленных пайках. А как они...

Сосед приподнялся и выглянул за борт транспортера:

– Эй, парни, кто еще не видел русских – вот они, рядом.

Солдаты почти поголовно встали со своих мест, сидеть остался один Гуннор. Русские и правда за бортом. Уступили дорогу транспортерам, идут и едут по обочинам. Это те, что не успели к переправе, транспортеры их обгоняют. Некоторые покидают свои грузовики, спрыгивают с повозок, торопятся укрыться в придорожных канавах. Другие идут, не меняя темпа, устало смотрят из-под припорошенных пылью бровей. В глазах безнадега: плен так плен, не тронете, так дальше пойдем, будем идти, пока не упремся, и там снова будем с вами биться, а пока – ваша взяла.

Вереница русских на обочинах закончилась, солдаты снова расселись по местам. Только один любопытный еще не садится, взгляд его бежит впереди транспортера. Иногда он

комментирует:

– Какая-то деревенька. Кажется, здесь никого. Сейчас под уклон пойдем, долина виднеется. В низине Дон! Вон, вон его петля!

Вольф не выдерживает и тоже встает. Посреди глубокой долины тянется голубая лента реки. Под лучами солнца Дон искрится, зовет окунуть в воду ладони, потное пыльное тело.

Гуннор дернул Вилли за полу мундира.

– Присядь, Малыш, спрячься. У русских хорошие снайперы, можешь и не доехать до берега.

Движок натужно взвывает, колеса транспортера вязнут в зыбком грунте. Фельдфебель звонко стукнул в стальную перегородку, подавая сигнал. Солдаты встрепенулись, крепче обхватили оружие, ноги заскользили по днищу, будто разогревая подошвы перед стартом. Скоро место соприкосновения с противником. Грохнули два орудия. Еще десяток метров прокрутили колеса транспортера. Все, броневик встал. На выход! На выход!

Под ногами песок, поросший хилой редкой травой и каким-то кустарником. Нужно перебраться вот сюда, за эту вытянутую дюну, здесь надежно. Что там вопит лейтенант? Да знаем мы, знаем: к мосту, надо его взять, пока не подорвали русские. Танки работают по левому берегу. Они разогнали людской муравейник, что кишел за мостом, русские расползлись по щелям и норам. Остался там хоть кто-нибудь? А нет, вот свистнуло над ухом, огрызаются, значит, повоюем.

Пулеметы, установленные в транспортерах, поливали огнем берег. Грузовики подвезли батарею, и прислуга живо растянула сошки орудий, уперев их в песок. Пушки включились в бой, на левом берегу русские приутихли.

В земляной нише окопа вздрагивала пустая стеклянная банка. Утром в ней пожилая крестьянка принесла черешню, угостила Романа. Банка звенела, билась боками о фляжку и поставленную на попа гранату, звон ее тонул в бесконечной стрельбе. Посуду солдат так и не успел вернуть, теперь она своим «неуставным» видом портила воинскую строгость стрелкового окопчика.

Передергивая затвор, Роман на короткий миг отрывался от прицельной рамки и видел затылок Лямзина, его скошенную набок пилотку, выглядывающую из-под нее мокрую плешь. «Светку» свою Лямзин успел обменять у Опоркова на автомат. Круглый диск автомата утонул в длинных пальцах Лямзина, и сам коротенький автомат выглядел детской игрушкой. Пуская длинные очереди, он водил стволом по сторонам, осматривался кругом, вопрошая: «Ну что ж вы, ребятки? Вдарим дружней». Таких же активных, как Лямзин, было маловато. Люди пригибались, прячась от немецкого пулеметного огня. Хлопки танковых пушек обрушивали их на дно стрелковых ячеек. Когда к стволам танков прибавилась батарея, справа крикнули:

– Отходить! Приказ ротного!.. Отползать за бугор!

Слова передавались по цепочке. Приказ там был или не приказ, разбираться некогда. Рота перешла увал: лица блед-

ные, глаза безумные, до краев полные страху, дыхание отрывистое, нервное, будто глотки пережаты.

– Кто ротного видел? – передвигаясь на корточках, спрашивал замкомвзвода.

– Видел, как его ранило, – отозвался кто-то с неохотой.

– Сальников, почему без оружия? – взял командирский тон Лямзин.

– Да я, – поднял виноватый и испуганный взгляд боец, – винтовку бросил, Парамонова раненого тащил... Потом его это... добило.

– Так чего за оружием не вернулся?

– Далековато было.

Лямзин смазал Сальникова по скуле. Даже не вполсилы, так, в четверть. Голова Сальникова мотнулась:

– Чего ты, Сань?..

Роман протянул Сальникову винтовку, на ствол которой опирался, как на трость.

Лямзин недовольно глянул:

– А сам с чем воевать будешь?

Роман молча перетянул со спины на грудь эсвэтэшку на ремне, демонстративно сложил руки на ее ложе.

– О, это ж моя «светка». Обронил, Алеха? – отыскал глазами Опоркова Лямзин.

Опорков, смущаясь и бубня что-то в оправдание, подполз к Роману, положил руку на приклад.

– Что упало, то пропало, – отдернул оружие новый хозяин

«светки».

Лямзин хмыкнул:

– А ума-то хватит управиться? Это ж не ложка и не лопата.

– Не твоя печаль, – отвернулся Роман.

– Кончай грызню! – крикнул замкомвзвода. – Нашли о чем галдеть. Нас выкинули, сбросили! Мост теперь у них!

– Погоди, может, отбивать скоро пойдем, – будто о пустяшном деле заявил Лямзин.

Первый страх утих. Солдаты выползали на бровку увала, осторожно разглядывали предмостные площадки, свои покинутые позиции. Танки были уже на этом берегу, стояли открыто, готовые встретить кого угодно. Транспортеры катились по мосту. Между ними бежала серо-зеленая пехота.

– Лупануть бы, – робко предложил Опорков. – Не больше километра до них, достанем.

– Что толку? – огрызнулся замкомвзвода. – Ну залягут они, ну нам ответят... Тут атака серьезная нужна, с танками.

Группировка полностью перешла на левый донской берег. Чужие солдаты кинулись потрошить брошенную технику. Из кузовов на землю летели тюки с бельем и формой, какие-то составные части механизмов.

Малыш Вилли нашел ящик, заваленный связанными попарно сапогами. Роясь в нем, брал обувь, прикладывал ее подошву к потресканной подошве своего сапога, подбирая размер, наконец подобрал подходящий. Потом выбрал добротный ремень с двойной прошивкой, пистолет в кобуре, поле-

вую сумку с картами Города и окрестностей, кинул в свой ранец килограммовый мешок сахара. Солдаты кругом тоже тащили все, что под руку попадется, кто-то закатывал в транспортер бочку с маслом. На танке откинулся башенный люк, выглянул белокурый фельдфебель:

– Про нас не забывайте, ребята!

– Хватит и вашим людям, господин фельдфебель. Здесь полно всякого добра, – отозвалась пехота.

– Поддержка-то там будет? – спросил Гуннор.

– Я уже послал весточку, из штаба обещали прислать помощь, надо расширять плацдарм, – проведя рукой по антенне, объяснил танкист.

Совсем рядом кто-то из солдат кричал непонятные слова: «Ruki werch! Poloschi orugie i idi Buda!»

Вилли пристроился в хвост небольшой очереди, где нашли бутылку со спиртом и разливали по фляжкам. Приволокли с десятков пленных, одного по дороге успели избить. Он стрелял до последнего и даже ранил в живот ефрейтора из второго взвода. С такой раной бедняга не выживет. Завинтив на полной фляжке крышку, Малыш Вилли сдернул с плеча карабин и пару раз приложился к голове упрямого русского. Вольф видел, как переломанные пальцы его судорожно дернулись на окровавленной пилотке, и он затих. Сослуживцы отправили в тыл своим ходом остальных пленных, лишь выдернув из их кучки двух одетых в гражданку. Наверняка простые трактористы, не успели сбежать с другими шофера-

ми. Вилли дослал в ствол патрон. Две испуганные пары глаз, два выстрела.

– Зачем, Малыш? Они ведь не военные, – бросил без укора один из солдат.

– Все они чертовы партизаны, – вешая карабин на плечо, ответил Вилли, подумав про себя: «Счет открыт. Осталось познакомиться с какой-нибудь девкой или не сильно старой бабой».

В очередном грузовике нашли что-то ценное, радостно загомонили.

– Самое время, командир! – нетерпеливо сказал Лямзин. – Глади – мародерят, все как один. Даже охранения не выставили.

– Да сиди ты, стратег хренов. Пока с бугра спустимся, танки пулеметами покосят. И броневики, видишь, не зевают, дугой встали. Вот тебе и охранение.

Солнце садилось за спинами сновавших среди брошенной техники солдат, последние лучи его били в лица тех, кто устроился на бровке. У многих, как и у Лямзина, болела душа. Уходило время.

6

Понтон, где вычищал кузова брошенных грузовиков Малыш Вилли со своей братией, был не единственной переправой через Дон. К автомобильным мостам у Гремячьего и Петино выскочила мотопехота 24-й танковой дивизии, и везде была одна и та же картина: после короткого боя мосты были отбиты и захвачены. Немецкий десант на резиновых лодках стремительно переплывал реку, появлялся в тылу у оборонявших мосты едва сформированных и необстрелянных рот, сеял панику.

Только с железнодорожным мостом у Семилук дело складывалось непросто. Бой тут шел около суток, стоил большой крови. Перед уходом мост удалось заблокировать. Среди солдат нашелся бывший помощник машиниста. Он встал за вентили и рычаги покинутого паровоза, задним ходом пустил локомотив с десятком плававших вагонов на мост и успел спрыгнуть на своей, восточной стороне Дона. Горящий состав уперся в брошенную технику, заскрежетал, затрясся, разбрасывая искры и головешки, и, прыснув паром, замер. Грозное препятствие лишь раззадорило немецких командиров. К берегу стали подходить тяжелые бронированные машины. К их стальным тросам солдаты цепляли остатки вагонов, покореженные взрывами платформы, оттащивали в сторону, расчищали мост и радовались тому, что преграду,

устроенную русскими, удалось так легко одолеть.

Офицеры ликовали, посылая в штаб армии победные донесения: «Дон и переправы через него в наших руках! Дорога на Город открыта! Он стоит беззащитный и ждет, когда мы возьмем его». Они не знали, что этими легко взятыми мостами роют себе яму. Скоро дивизии, так нужные на Волге и Кавказе, завязнут в уличных боях. Высокие стратеги – теоретики войны – Город брать не собирались, надеясь лишь крепко встать на позициях на Дону, но русские, сами того не зная, втянули своих противников в жестокие бои. Тактический успех сыграл злую шутку. Первый шаг к грандиозному волжскому фиаско был сделан.

В немецких штабах вняли победным реляциям, заразились ими и ненадолго задумались: «Заманчиво на плечах противника ворваться в Город. Потом можно круто свернуть на юг и увязать всю группировку отступающего Тимошенко в мешок. Гигантская ловушка!» И дали ответ: «Приказываем на берегу не сидеть, в Город вступить, производственные гиганты авиационного и вагоностроительного заводов вывести из строя. Заодно сровнять с землей вокзалы, электростанции, водокачки, мелкие фабрики и заводы».

На советской стороне было все наоборот. Летели неумолимые приказы: «Переправы отбить! Противника столкнуть в Дон! Вернуть утраченные позиции». К Городу подвозили крупные силы. Центральный вокзал пострадал от непрерывных налетов, и танки разгружали на окраинной станции

Отрожка. От нее надо было ехать через всю левобережную часть Города, преодолевать одноименную с Городом речку, проезжать правобережный Город и еще волочиться через окраины к Дону. Танки шли ускоренно, колонны растягивались на дороге, машины теряли друг друга, ломались, прибывали разрозненными кучками, а не внушительной силой. С марша, без разведки и знания местности, шли в бой.

Суматохи добавило грандиозное нововведение – образовался новый фронт. Другое название, начальство, структура. Кто кому теперь подчиняется? Чей генерал главнее? Чьи приказы уже недействительны? Ничего не ясно. Где нынче противник? Где головной командный пункт? Куда везти приказы? На каких рубежах теперь идет бой?

Через Город двигались потоки беженцев, техники, скота. Город наводнили толпы отступающих солдат. Почему они не на передовой? У них новое начальство. А может, просто его нет, и они сами не знают, кому теперь подчинены. Час от часу нарастала сутолока, неразбериха, где-то панически назревала катастрофа.

Город давно не пытались тушить. Смог от пожаров висел который день, лучи солнца едва пробивали завесу копоти и гари, дышать было трудно. Водопровод не работал с первых дней бомбежки. У колодцев в частном секторе очереди не уменьшались. Вода уменьшала першение в горле, в ней да в сырых подвалах было спасение.

На улицах ревели перегретые моторы, закипевшим ради-

аторам тоже требовалась вода. Надрывное коровье мычание вызвало к человеческой жалости. Куда тут до скотины? Люди не все пьют вдосталь. Лошади ломились через хлипкий штакетник палисадников, глодали молодую вишню, высасывая из веток влагу, трепали и грызли пустые ведра, хватали прохожих губами за одежду, просили воды.

Римма, сидевшая дома, вздрогнула от резкого автомобильного сигнала. Он еще раз отрывисто рявкнул, а потом долго не умолкал, разносясь по улице.

«Чего медлит мать? Когда же будем уходить? Она, видно, решила, что немец сюда не дойдет», – думала девушка.

В прихожей мать гремела посудой. За окном виднелось бледное небо, со стороны Малышева опять загрохотали пушки, совсем как минувшей ночью.

– Не сдаются наши, не пускают фашистов, – оживилась мать.

Римма, топя босыми пятками, вышла ей на помощь. Мать фасовала по мешкам крупы. Ночью магазины остались без охраны, с поврежденных бомбежками складов уже больше суток растаскивали продукты и промтовары. Вчера мать моталась к вокзалу и прикатила с соседями бочку сливочного масла. Его перетопили в тазу на костре, разделили между собой. Матери досталось полное ведро и двухлитровый чайник. Кое-кто из соседей тасил люстры и посуду, мелочи вроде патефонных иголок, мать – только продукты.

Беда с водой. Колонка на углу не работает вторые сутки,

а колодец с нижней улицы опустел вчера под вечер. Соседский Ленька бегал к Холодильнику на Заставу, там еще можно кое-чем поживиться. Те, кто живут близко к Холодильнику, таскают в ведрах глыбы подтаявшего льда, до реки им далеко.

Римма взяла эмалированную кружку, стала пересыпать гречку из большого мешка в холщовые кульки. Вспоминала, как вчера вечером встретила одноклассницу Ольгу. Она и мать рванули из Города на свой страх и риск. Но пошли они не на восток, а к Дону, думая, что немец еще далеко. Перед мостом их встретила толпа военных вперемешку с мобилизованными для рытья окопов женщинами. От них Ольга и ее мать узнали: к Дону хода нет. На пути обратно в Город их подобрала какая-то полуторка. В кузове они успели сдружиться с одной мобилизованной – крепкой деревенской бабой Аниськой. Она звала Ольгину мать отправиться в эвакуацию, обещала приютить у себя на подворье, хоть и далеко до ее деревни, верст семьдесят, но дом обширный, места хватит. Когда их компания шла по горящему Городу, Аниська не смогла пройти мимо разваленного взрывом мануфактурного магазина. Домой к Ольгиной матери все три пришли с увесистыми рулонами, красные и запыхавшиеся.

Римма выглянула через окно веранды на улицу – в соседском дворе суетилась Аниська:

– Промухаем, бабы, отход. Шевелиться надо. Застанут нас тут, отрежут пути.

– Мы ж тебя не держим, Анисья, ступай с богом, – ответила мать Ольги.

– Да тебя ж, дуреху, жалко и девчонку твою. Иль под немцем, думаешь, жизнь сладкая?

– А ты б от своего порога пошла бы? Вот то-то. Знаю я вашу породу деревенскую, с нажитым добром никогда не расстанетесь. И мне нелегко дом оставлять.

По соседней улице проскрежетала пара бронированных машин. Мать вытряхнула остатки крупы в кастрюлю. У мальшевской переправы стихала стрельба.

Заметка вторая

В правление последнего московского царя из рода Калиты, в год 1585 пришли на реку воеводы Сабуров с Биркиным, привели стрельцов и работных людей, срубили крепость. Земля эта издавна границу обозначила: правый высокий берег звался к тому времени Русским лесом, а левый, заливной, тающий в дымке, имел прозвище Ногайская сторона. В тревожном месте крепость поставили, до зарезу нужном. Тут тебе и ногайская орда кочует, и крымский разбойничий шлях, и литовское порубежье. Берег хоть и высок, а распадки имеет, по-местному – козыри. Козыри те плавные, водой отглаженные, травой устеленные, с пологими стенками, почитай каждый с родником ключевым, самая благодать для крымской конницы. На месте удобных татарских переправ выстроил Сабуров со товарищи бревенчатый деревянный острог, обуздал разбойничью тропу, перекрыл в этом месте работорговле дорогу.

Отмерил бог той крепости только пять зим. Служили в ней, помимо московских стрельцов, еще и нанятые казаки с днепровских берегов – черкасы. Майским вечером подскакал к стенам острога отряд казаков, присягнувших польскому королю. Стал выкликать своих земляков на стены для разговору. Долго толковали черкасы, не слезая с седел, что пришли-де

к православному царю на службу, от своего еретика-короля отвернулись, хотя вместе с братьями по крови и по вере воевать поганого крымца. Мир между Литвой и Москвой уже восемь лет был, отряд казачий от гарнизона крепостного и четверти не имел. Поверили польским черкасам, впустили в крепость, угостили по совести. До поздней ночи сидели за хмельным столом гости и хозяева острога, вспоминали походы и родные места, распевали песни. Когда перепились и угомонились, один из пришлых тайком открыл ворота, давая путь притаившейся невдалеке шайке в шесть сотен сабель. Черкасы вырезали стрелецкое войско, казнили воеводу. Тех земляков, что хранили верность новому царю и схватились было за оружие, пустили под нож, остальных забрали с собою. Вынесли пищальный запас и всю казну, что для крымских послов была приготовлена, для откупа из рабской доли полоненных московских людей, а крепость спалили дотла.

Однако ж следующей весной взялись за топоры работные люди, и через четыре года рядом с пепелищем, на новом месте, сверкала непотемневшим деревом крепость – шире и мощней прежней. С башнями, с детинцем, с тайным лазом к реке.

В жиденькой, насквозь прозрачной рощице накапливались танки. Еще не совсем рассвело, и было неясно, сколько их там. Но, судя по грозному рыку моторов, казалось, что танков не меньше десятка. От танковой суеты, прибывшей роты подкрепления и суровых лиц однополчан прибавлялось уверенности, верилось, что деревню можно отбить, а там, случится, и мост снова нашим станет.

Не только прибывшие танки добавляли веры. Роман прожил в этом Городе немалый срок и долгое время считал его родным. А потом стал забывать о нем. Уехал в другой город, отучился в «ремеслухе», поступил на завод, поселился в общежитии, завел новых друзей. Почти не вспоминал дом дядьки, его ласковую жену, товарищей с улицы. Дядьке писал все реже, а последний год перед войной не отправил даже открытки к ноябрьским праздникам. Занятой шибко был. Лучше позабыть бы ему те события, что привели его в дом дядьки.

Роман жил с матерью в переполненном бараке, отца не видел ни разу. В необъятной стране еще остались поселки, куда, кажется, не заглядывала советская власть с ее комитетами, товарищескими судами, высоконравственными партийными работниками, следившими за чистотой поведения и безупречностью нравов. К матери приходили хахали, шумно

пили, ревели каторжанские песни. За тонкими перегорождками было все то же самое. В бараке по ночам было шумно от мата и драк. *«Каждый вечер крик, каждый вечер стон, и опять плевков в сторону икон»*, – написал соседский Олег куском угля на стене дровяного сарая. Некоторые называли Олега поэтом-самородком, другие презирали и колотили где придется. А наутро на стене появлялись новые мрачные вирши: *«Как мне любить свою невзрачную родню, что божью искру разменяла на херню»*.

Мать выгоняла Ромку на мороз, тот по полночи бегал вокруг барака, скулил от холода, слезы замерзали на щеках и царапались. Он давно привык к материнской ругани, знал, что «лучше б она его не рожала, падлениша мелкого, лучше б вытравила».

В тот вечер мать разругалась с очередным пришельцем. Он сильно побил ее, и она бежала за ним в одной нижней сорочке, утирая подолом кровь, умоляла не уходить. Ромка, обрадованный тем, что не надо больше мерзнуть, проскочил в барак, завалился в едва согретую постель и моментально уснул. Вскоре мать вернулась...

Роман хватал посиневшими губами воздух, его глотку сдавили пальцы матери, он не мог понять: снится ли это ему или мать вправду может так делать. Мать давила и хрипела: *«Соб-ственны-ми руками... отмучаюсь... и все»*. Ромка все же слабо крикнул, из-за перегорожки подоспели пьяные соседи. Сам он этого не помнил.

Ромку отправили в детдом. Что с матерью – так и не сказали, может быть, посадили. На новом месте было лучше, если бы не зародившийся недуг. Редкую ночь Ромка не кричал во сне. Стонал, хрипел, задыхался. Мальчишки с соседних коек остервенело лупили его, но и от побоев он не сразу просыпался, еще долго его сотрясали конвульсии, на губах выступала пена. Хотели отправлять в интернат для дефективных, но нашелся добрый воспитатель, написал какие-то письма, отыскал Ромкиного дядьку, уговорил руководство детдома повременить с отправкой в интернат. Дядька приехал, Ромка покорно пошел за ним, ни во что хорошее не веря.

Тихий Город очаровал его. Лето здесь настоящее, с жарой, теплой речкой, ласковым песком. На деревьях растет такое! Соседи поругиваются, да разве сравнить с барачной грызней? Дядькина жена с первого дня улыбнулась, правила проживания объяснила доходчиво: где моется, как чистится, как говорится. Стряпня у нее после детдомовской была отменной...

С кошмарами стало полегче, но полностью они не исчезли. Дядькина жена забиралась в его кровать, гладила по голове, прижимала к теплой груди, что-то шептала. Роман просыпался, ждал, когда тетка уйдет, мерно дышал, изображая сон, и, когда она уходила, облегченно вздыхал.

Выходной дядька чаще всего тратил на домино или пивнушку, но случалось, они с Ромкой шли куда-то гулять. Всегда за город, вдоль реки. В одной прибрежной роще они на-

ткнулись на искалеченное дерево. Несколько лет назад кто-то накинуд на ствол железный трос, пытался его повалить. Трос оборвался и с годами врос в дерево. Оно накренилось, с одного боку обнажился корень. Ветви были слабыми и листва жухлой, вся сила ушла на борьбу с тросом. Дядька провел рукой по шершавой коре:

– Глянь, оно живет. Издалека не отличить его от других.

Ромка смотрел на прогрызенный стальным тросом участок дерева. В душе что-то нервно клокотало, подкатывала тошнота. На другой день он отыскал в сарае молоток и зубило, пришел с ними к дереву. Многожильный трос не поддавался. Как дерево устояло, перебороло его? Зубило по крупицам распарывало волокна троса, руки ломило от работы. Ромка не жалел себя, твердил, мысленно повторяя: «Ему было еще больнее, а оно не сдалось, победило». Под конец зубило стало уходить в мягкую древесную породу, но срезать удавку надо было полностью. Перерубленная петля ослабла, однако не отпала. Дерево вживило удавку в себя, не в силах сразу отторгнуть.

Роман помнил все это до тех пор, пока его мучили по ночам кошмары. Потом память сгладила воспоминания, и уютный дядькин дом стал казаться обыденным. Фронтальная судьба закинула Романа сюда неспроста. Он понял это сегодня на рассвете, когда всмотрелся в рощу, где теперь режут танки. Она похожа на ту, и, случись минутка затишья, Роман поищет передавленное тросом дерево, пока рощу не разнес-

ли в щепки. Он найдет дядькин дом и уже никогда не потеряет связи с ним. Даже война не помешает ему, и, если дядька выехал из Города, отправившись в эвакуацию, Роман все равно будет искать его. А когда они встретятся, возможно, Роман не будет винить себя за редкие письма дядьке и его жене, за годы, что не появлялся в приютившем его доме.

Роман торопливо собирал «светку». Все в ее механизме смазано, все плавно ходит и становится на свои места. Все-таки капризная она штука. Не дай бог заест или откажет. Лямзин, если увидит, с потрохами слямзает.

Танки в рощице зашевелились. Забегали взводные, подавая команды. Роман дернул затвором, спустил курок. Все работало.

Малыш Вилли вытряхнул песок из каски, застегнул ремешок у подбородка. Под подошвой его новенького трофейного сапога звенели желтобокие гильзы с окатанными головками. Пули из этих гильз вчера вечером летели, метясь в сердце Малыша. Сейчас он добавит к советским гильзам своих, свеженьких, хочется верить, что не все его пули улетят впустую. День сегодня будет жаркий: самое утро, а уже так смалит. Ствол еще не стрелял, но раскалился на солнце.

Из-за увала выросла высокая башня, пушка ее тут же выстрелила, даже не целясь. Снаряд прошуршал над окопами, утонул в саду между двух сарайчиков. По высунувшейся башне разом ответила пара немецких самоходок, из зарослей сада заговорила замаскированная батарея. Слева и справа

ва от гигантской башни выскочили танки порезвее, заюлили вниз по склону. В десятке метров перед глазами Вилли рванул раскаленный песок. Он отшатнулся, с головой ушел на дно ячейки. По лицу успело больно стегануть. Вилли ошарашенно ощупал его, облапил вспотевшую шею, посмотрел на руки – крови на ладонях не было. Ударила волна, состоявшая из перегоревшего выстрела и песка.

Роман видел танковые сопла с голубоватыми струями дизельного выхлопа, бежавшие и перемалывающие песок гусеницы, но танк не казался прикрытием. Наоборот, в него метили невидимые немецкие пушки, бившие из садов. Один снаряд упал близко, по броне звякнули осколки. Второй резанул в башню, рикошетом ушел в сторону по косо́й броне. Танк замер.

Командира контузило? Не стоять! Только не стоять на месте!

Роман кинулся в сторону, свалился в промоину, заросшую колючими волчками. Он заметил редкие вспышки в ячейках. Вон в той он сидел еще вчера вечером, теперь там другой хозяин. Заглушить его, задавить! «Светка» часто плевалась отстрелянными гильзами.

Застывший танк вконец обездвижили – разули правый трак, саданули в лоб, в бочину, чтоб наверняка. Еще раз проверили на крепость башню – опять рикошет. Подбитый богатырь жирно зачадил. В подбрюшье танка откинулся люк, оттуда выпал человеческий обрубок. Под ним густо сворачи-

вался песок от напитавшей его крови. Танкист отполз метра на два, схватил замасленной рукой полную пригоршню песка, крупинки посыпались меж сведенных агонией пальцев.

Уцелевшие танки уходили. Роман вырвался с погибшим танком вперед, рядом никого не осталось, момент отхода был упущен. В ячейках у немцев снова проснулись стволы. Романа заметили, пулеметная строчка не случайно легла рядом. Чад от танка стелился над землей и спасительным коридором тянул к себе. Роман влетел в полосу дыма, забежал за корму танка.

Со стороны врага началось движение. Роман в страхе и отчаянии сжал оружие.

Они сейчас пойдут... Отбили нас и покатятся следом... Выбегать из-за танка не резон, сразу срежут. Была не была!

Роман залез под днище танка, ухватился за испачканный кровью и машинным маслом край люка, пролез внутрь. Внутри стоял угарный дым, Роман закашлялся, развернул лицо к открытому люку. Под ним лужей растеклась загустевшая кровь. Роман держал лицо вровень со срезом люка и пытался успокоить дыхание, сдавленно и нервно кашляя. По бокам от подбитой машины прошли два танка. Кто-то громко сам с собою переговаривался на чужом языке, после каждой фразы коротко постреливал из автомата.

8

Стояла круглая афишинная тумба с проломанным боком, в осколочных отметинах, но сохранившая лохмотья старых, еще довоенных афиш.

Странно было видеть полинялые буквы, читать: «Драматический театр... Оперная труппа... Гастроли... Смотр...»
Юрий Гончаров. Целую ваши руки

Этот район Чижовки славился своими старожилками и историями. С малых лет Римма знала, что подворье Украинцевых, живших теперь на углу, раньше, при царе, занимало весь нынешний квартал в десяток дворов. Было на этом подворье и производство какое-то, и службы, и каретник с сараями, и погреб с ледниками, и господский дом. А сами Украинцевы – потомки того самого Украинцева, что по приказу Петра ходил на корабле в Константинополь и подписывал с султаном мир после Азовских походов.

У самой Риммы родословная непростая. Далекый пращур ее был лоцманом в новорожденном флоте великого царя. Тут на улице у кого ни спроси – все потомки не шкипера петровского, так литейщика. Никто не хочет быть потомком простого плотника или стрельца.

Римма любила все эти истории, они для нее не были легендами. Что с того, что царь Петр жил давно? А вот карета

его до сих пор сохранилась, стоит в бывшем Успенском храме. Там теперь что-то вроде музея сделали. Карета красивая! Блестит вся, как из золота! И женская в ней душа. Римма думает, что царь на такой не ездил, зазорно ему стало бы. Скорее это Екатерина в дар Городу оставила, когда из Крыма возвращалась. Карета стоит в отдельной комнате или, как старики говорят, «притворе», бархатной лентой отгороженная, – трогать ее нельзя: позолота с кареты осыпается, так «музейная» дама пояснила.

В церкви той бывшей еще много чего интересного: всякие предметы старины и оружие, документы старинные, архив вроде. А еще в одном храме дворец атеизма устроили. На стенах фрески замазывать не стали, повесили их плакатами: картой звездного неба, движения Солнца и планет, эволюции животных. У основания купольного барабана по кругу висели огромные портреты Маркса, Коперника, Бруно и Галилея. Из-за их подрамников робко выглядывали потускневшие нимбы Марка, Матфея, Иоанна и Луки.

В бывших монастырях устроили общежития, в церквях – гаражи, столярки, учебные центры заводов. На весь Город одна действующая церковь осталась, но и она успела побывать швейным цехом. С началом войны верующие ее отбили у горкома, написали бумагу, что за победу будут молиться. Вон ее купол проломленный, из двора Риммы видать. В Городе мало что уцелело, церквям тоже досталось.

По небу ползло бесконечное удушливое облако. Город пы-

лал одновременно во многих местах. Сколько с неба упало на крыши и головы огня? Снова в небе загудели моторы, от ВОГРЭС захлопали зенитки.

В соседском дворе всхлипнула гармошка – старик Громов опять взялся за нее. Вчера он весь вечер ругался с соседками.

– Брысь, бабий батальон! Не желаю в подвале хорониться, не испугает фриц меня! Поперек судьбы ему стану, не убоюсь!

Он установил посреди двора табурет, растягивая гармошку, пел похабные частушки. Мать, сидя на дне погребца, затыкала Римме уши, но она бы и так ничего не услышала: на улице все гремело от взрывов, лишь изредка доносились всхлипы гармошки.

Громыкнуло на Стрелецкой, а может, и ближе. Римма выскочила на улицу, мать уже бежала из сада, неся бидон собранной вишни. За забором раздавалась разухабистая песня:

*Приходи ко мне, Митроня! Мой
кобель тебя не троня!*

Дальше Римма не услышала, земля задрожала под ногами. В Чижовке взметнулись горы земли, строительного мусора, запылали новые пожары. Затряслись Чижовские бугры, казалось, вот они обрушатся, и весь поселок сползет под уклон, потонет в речке.

Как и вчера, в погребе ютились Ольга с матерью, Аниська

и еще две соседские семьи. Римма подхватила с пола пятилетнего пацаненка, сама села на его место, прижала малыша к себе. Бомбовозы ушли к центру, к вокзалам. Сквозь закрытую крышку люка остервенело звучала песня:

*Хорошо, едрена мать! Только меру
надо знать!*

– Вот чертов грех, а? Не боится! – с плохо скрытым восторгом костерила гармониста Аниська.

Над Чижовкой началась вторая волна бомбежки. Грохнуло совсем близко, крышку подпола приподняла горячая волна. Дети отчаянно закричали, не удержалась и Римма. Через секунду, закусив губу, она кляла себя: «Не стыдно, дуреха? Четырнадцать лет, как-никак. Комсомольский возраст, а ты...»

Через взрывов уходила вслед за первой волной. Аниська шикнула:

– Тихо!.. Что-т черта нашего не слышно... Не убило ль?

– Сиди пока, – прикрикнула на нее мать Ольги.

Третьей волны не было, Чижовка стихала. Люди полезли из подвала на свет. Взрослые кинулись во двор непокорного соседа. Римма увидела из-за спин женщин его целое, но недвижимое тело, успела заметить, что в гармошке прорваны яркие меха. Когда стягивали с груди покойника гармошечные ремни, инструмент раненно хрипнул. Римма собра-

ла в охапку детвору, оттолкнула подальше от мертвеца, отворачивая от него головенки любопытных детей. Вспомнила, как в прошлом году покойник-сосед двадцать третьего числа июня месяца, надев пиджак с двумя царскими наградами, пошел в военкомат, как вернулся в тот день разгневанный и пьяный и кричал на всю улицу: «Я не порченный, я пригодный еще! Старость не помеха. Старого не жалко на распыл пускать! Меня пустите – молодого оставьте, пусть подрастет. Я войну видел!»

Когда неделю назад через Город пошли прочь от фронта первые воинские колонны, сосед ворчал, едва себя сдерживая: «Дезертиры... овечьи души. Я в семнадцатом таких толпами назад поворачивал, в окопы вертал». Сосед гордился прошлой службой, подвыпившим собирал соседских подростков, говорил им: «Мужик – он от рождения воин, потому как с копьём рождается. Там, где у бабы впадина, – у мужика пика драгунская. Мужуку два штыка дадено: один – пробовать, где у немца слабо, второй – искать, где у немки крепко. Я в драгунах шесть лет служил, из них три года на фронте был. Я и нынче еще воевать способный».

Аниська отыскала в соседском дворе лопату, стала копать в тени старой груши могилу. Остальные женщины суетились рядом, кто-то предлагал обмыть покойника, обрядить в чистое белье и костюм. Кто-то ответил, что все равно покойника класть в землю без гроба, а значит, и обряд не нужен, да и возиться некогда: от погребя далеко не уйдешь, опять

налет начнется.

Жаркое солнце застыло в зените. Градусов сорок сегодня или около того.

Полк НКВД уходил от семилукских мостов через Город. Андрей знал, что где-то на южных окраинах воюют их коллеги, солдаты внутренних войск. Здесь же, в самом Городе, оба вокзала, пригородные станции и три моста охранял комендантский полк. Андрей служил в нем, их будут отводить в последнюю очередь.

За Чернавским мостом и мостом на ВОГРЭС дежурят два отделения из его полка. Там ловят отступающих, формируют из этих бродяг сводные отряды. Многие артачатся, говорят, будто ищут свои подразделения, пытаются обойти заградотряды по речной пойме, кому удастся – бегут дальше.

Город обречен, это ясно, удерживать его не будут. На центральном вокзале пути исковерканы, ни одного целого рельса. Связь отсутствует. Только пакеты передают с посылными. Ближе к полудню на КП ушел вестовой ротного – и ни слуху ни духу о нем. Андрея назначили вестовым. Дважды солдат бегал к центральному пункту. Он вырыт до войны в отвесном склоне оврага. Под землей целый город с узлами связи, катакомбами, затянутыми в бетон, и массивными железными дверьми. Там кутерьма, идет эвакуация, вывоз документации. До пакетов, что приносит Андрей, никому нет дела.

Город менялся на глазах. Андрей бежал на КП в первый

раз и помнил эту серую коробку с еще целой шахтой лифта. Теперь здание развалено на куски. Обломки загородили улицу, перелезть ее – что в цементе искупаться, чихаешь потом как проклятый. Дальше перекресток, тоже заваленный хламом. Потом громадина с куполом, но не церковь. И ее теперь не узнать: купола как не бывало. Вся изнанка наружу, лестницы обнажились. На пьедестале у ступеней – гипсовая фигурка. Горн отколот, рука тоже, головы не осталось. Вместо нее – железная петля каркаса.

Мимо бежали жители, торопились к мосту. На рельсе противотанкового ежа покачивался дамский ридикюль на витом ремешке, лакированный бок его покрывал слой пыли и отпечатки тонких пальцев. Через дорогу от дома с проломанным куполом развесили искалеченные ветки дерева в парке. Посреди него – грозный монумент в старинном камзоле. Одной рукой человек опирался на трезубый якорь, другой, выставив палец с перстнем, властно указывал на запад. Бронзовое лицо с откинутыми ветром волосами выражало раньше волю и настойчивость, теперь, припорошенное кирпичной пылью, казалось, готово было кричать.

Женская пожарная команда помогала зенитчицам стащить разобранные пулеметы и станки от них, ворчала на девушек в зеленой форме. Катился через завалы грузовик, натужно гудел мотором. Внутри двора на бельевой веревке что-то трепыхалось, красное и аккуратное. Андрей пригляделся и различил детскую одежду – байковый комбинезон с

капюшоном.

Свист, как и раньше, раздался внезапно. Дунуло горячей противной смесью пороха, тола, крови, йода, спирта, больничных палат. Рядом гроыхнуло, в доме с обнаженной лестницей. Андрей рухнул, сверху его накрыло строительной пылью, в поясницу угодил крупный булыжник. Среди шума разрывов слышался девичий крик. Так по-дурному кричат не от раны, скорее с испугу.

Андрей поднял от дороги лицо, за пылью и дымом ничего видно не было. В груди рассыпанных учебников лежал слепленный детской рукой картонный самолет. Он подпрыгивал в дрожавшем воздухе, покачивал крыльями, лишенными опознавательных знаков. Над головой Андрея пронесся стальной собрат картонной модели. Опять грохнуло, и забарабанил по зданиям металл. Андрей невольно завыл и с размаху врезал кулаком по беспомощной детской игрушке. Бумажный фюзеляж лопнул, из него выпали стружки, обрезки картона, сгустки канцелярского клея и прочие внутренности. На тыльной стороне крыла Андрей разглядел надпись химическим карандашом: «Поздеев Митя». От корявых детских букв стало страшно.

В небе еще звучало эхо бомбежки, Андрея кто-то тряс за плечо. Он оторвал лицо от локтевого сгиба, посмотрел на руку, тормозившую его. Тонкие женские пальцы в ссадинах, сквозь пыльную поволоку – лицо, охваченное ремешком каски, тревожные глаза под низко надвинутым козырьком шле-

ма.

– Живой, не раненый?

– Кирпичом стукнуло, но живой, – не сразу выдавил Андрей.

– Уверен? Может, давай проверю?

Это была зенитчица, из той команды, что грузила на машину пулеметы. Проворными руками она заводила по спине, ощупала ноги.

– Нормально, цел вроде, – Андрей торопливо встал, отряхивая форму.

Девушка подняла его пилотку, выбила об ладонь, примерившись, опустила ему на голову. Даже слегка улыбнулась. Андрей подумал: «Могла бы и в руки отдать, зачем так-то?», – а вслух спросил:

– Как звать?

– Для чего тебе?

– Хочу знать, какое имя у моей спасительницы.

– Не шути, солдат, я тебя не спасала.

– Что, тебе жалко имя назвать?

Девушка не успела ответить, из подъезда ее позвали:

– Ада! Живее давай! Грузиться ж надо. – Она посмотрела в сторону кричавших, махнула рукой «сейчас приду».

– А полное имя как? – допытывал Андрей.

– Адель.

– О, да мы с тобой почти тезки.

– Тезки? – услышала Ада незнакомое слово.

Андрей назвался.

– Тезки, понимаешь? Андрей – Адель, имена звучат одинаково.

– А, ты мой именник? Ну Анджей и Адель, кажется, далеко.

– Не придирайся, – примирительно сказал солдат и, махнув рукой, протянул ладонь. – Спасибо за выручку и прощай, тезка.

Она, чуть стесняясь, протянула ему свою загрубевшую за этот год ладонь.

«Эх, видел бы ты меня студенткой, Анджей! А ногти, Иисус-Мария! Куда спрятать эти чудовищные ногти?» – промелькнула в голове у девушки мысль.

Он не посмотрел на ее руку, он искал в ее лице прощальную улыбку.

Сапоги снова спотыкались о битый кирпич, скользили на мелкой крошке. Андрей вспомнил Галю. Она осталась в Москве, если ее не эвакуировали. Быть может, окончила второй курс. Последнее письмо пришло в ноябре, тогда она писала, что институт вывозить не будут, но много воды утекло с тех пор. Давно не пишет. Может, институт-таки эвакуировали или она бросила учебу и ушла на завод? Или вон как Адель – в армию. Мать тоже ничего о ней не говорила. Она, вероятно, знала что-то о Гале, но помалкивала. А Андрей ничего не спросил у матери про бывшую любовь, он думал только о брате.

Поздней весной мать приезжала к Андрею в госпиталь. Он долечивал пневмонию, но свидания ему уже разрешали. Мать говорила о поменявшейся Москве, карточках, дефиците, налетах, часах, проведенных в приспособленном под бомбоубежище метро, ночевках на жестких деревянных поддонах, уложенных на рельсы. Андрей слушал, но не соперничал. Он видел, как живут в других местах, видел освобожденное Подмосковье. Мать понизила голос и заговорила о брате. Андрей хотел резко прервать ее, но сдержался. Он ничего не желал слышать о нем. Никакая война не могла примирить их. Это по его, брата, вине у Андрея испорчена анкета и он не смог поступить в военное училище, это по его вине в доме часто недоставало денег и Андрей постоянно ходил в обносках. Наконец, это его вина, что так рано ушел отец. Но отец же был виной тому, что брат стал таким.

Брат был первенцем, отцовым любимцем. Брата забаловали. У них с Андреем была разница в четыре года. В детстве Андрей многое не замечал, позже стал понимать, чего не стоит повторять за братом, как избежать неприятностей. Дома внутри глобуса, который разбирался на две части по линии экватора, Андрей случайно нашел тайник: несколько сигарет россыпью, какие-то снимки с вульгарными девицами, блокнот, исписанный жаргонными словечками и неприличными куплетами. Он долго думал, выдать ли этот «схрон» родителям, но все же не сказал.

Позже Андрей стал примечать ошибки родителей. Про-

делки брата сходили ему с рук, Андрею казалось, что брата слишком слабо наказывают и потому он повторяет их опять и опять. Очень редко Андрей даже бывал благодарен брату, ведь на его дурных примерах он учился и уберег себя от многих неприятностей, а не будь брата, шишки пришлось бы набивать самому.

Брат же продолжал наслаждаться своим танцем на граблях. Скоро от мелкой домашней пакости брат пошел играть по-крупному. Связался с компанией, из дома стали пропадать вещи. Один раз вытащил премию матери и всю ее просадил с дружками за один вечер.

Родители кричали, разорялись, уговаривали брата измениться, но дальше этого не шло. Когда шайка брата попала на краже, отец напряг все связи, и брат отделался условным сроком. Эта судимость не позволила Андрею стать военным. Брат не изменился, жил как и прежде. Перед самой войной отец не перенес очередного скандала. Его увезли из квартиры на «скорой», а вернули в дом на катафалке.

Войну Андрей встретил чуть ли не с восторгом. Не с тем восторгом, с каким его друзья-однокурсники маршировали по улицам и победно пели: «Если завтра война, если завтра в поход». Нет, он не ходил и не пел, но чувствовал, что война расставит все по своим местам. Для Андрея открывалась возможность, попав на фронт, стать офицером. Он покинул институт добровольно. Остатки отцовых связей помогли устроиться в элитные войска. Брат попал в маршевую

колонну и с ранней осени числился пропавшим без вести.

Андрей знал, что непорядочно так думать и чувствовать, но не мог скрыть в душе облегчения оттого, что брат пропал без вести. Что было бы с матерью, останься она один на один с братом? А если бы он вернулся инвалидом? Мать бы ушла вслед за отцом. И не погиб ведь он официально. Она его не хоронит, надеется на лучшее.

Мать приехала в госпиталь. Таинственно заговорила о пропавшем брате. Перешла на шепот. В апреле ей принесли на квартиру письмо. Не солдатский треугольник, не гражданский конверт с марками и штампами. Заклеенный от руки листок бумаги. Мать, таясь, сунула его под простыню Андрею, сказала, чтобы прочел, когда она уедет, а потом пусть поступает как хочет. Копию письма она оставила себе. Еще добавила самое интересное: письмо принес поздно вечером перед самым комендантским часом иностранец, сказал, что выполняет просьбу друга, работает в Москве корреспондентом, письмо ему передали в английском посольстве.

Мать уехала, оставив кулек со скудными гостинцами военной эпохи. Андрей до вечера лежал в ожидании, таинственное письмо сквозь простыню жгло бок. Вечером, дождавшись отбоя, Андрей прошел в уборную, накинул крючок на дверь, встал под тусклой лампочкой.

Письмо было написано почерком брата. Он писал, что попал в плен целым и невредимым, угодил в котел. Три месяца просидел за колючей проволокой. Ужасы и страсти подроб-

но не описывал, но говорил, что прожил бы мало в этом лагере, если бы не череда удач. В середине зимы из лагеря его забрал к себе в поместье пожилой заместитель коменданта. Сказал через переводчика, что в прошлую войну у него трудился русский пленный с точно такой же фамилией, был отменным скотником, любил животных. Брат не стал отвечать, что видел животных только на картинке и в зверинце, покорно пошел вслед за новым хозяином. Фамилия спасла жизнь, и это было первой удачей.

В поместье нового раба кинули на легкую работу, дали время подкормиться. Скорее всего, он недолго бы пробыл там, но снова улыбнулась удача. Поместье насчитывало дюжину рабов. Тут был интернационал: двое сербов, двое поляков, один француз и семеро советских. Побег они готовили уже месяц. Ждали случая, на днях он должен был подвернуться. Старик-помещик с семьей выезжал в столицу на празднование Дня основания рейха. Поместье наполовину опустеет, охрана наверняка тоже подгуляет, бдительность будет не той. Побег прошел по задуманному сценарию. В пути брату признались, что поначалу не хотели брать «новичка» с собой. Был он непроверенный, мог выдать их планы. Потом поняли, что если оставят, то весь хозяйский гнев обрушат на него.

Третьей удачей был незаметный поход в сотню километров через немецкую землю к Франции. Четвертой – переход границы с республикой Виши. Тут пара французов-военно-

пленных взяла все трудности на себя. Еду воровать уже не приходилось, крестьяне пускали ночевать в сараи и подполы, сытно кормили, делились теплыми вещами. К исходу второго месяца скитаний удалось выйти на Сопротивление. Французы русских уважают, говорят: «Вы единственные не побоялись драки с Гитлером». В отряде, кроме брата, были еще русские. Один рассказывал, что работал на шахте, травмировал руку и попал из лагерного лазарета во французский гражданский госпиталь. Там соседи по палате несли ему ночами, таясь от охраны, еду и вино, клялись в преданности, хвалили Сталина.

Отряд был крупный по местным меркам, человек в полста. К ним даже прилетал корреспондент с Большой земли славить в британской прессе братьев по оружию. Через этого журналиста брат и передал письмо на континент, а оттуда, морем или воздухом, брат надеялся, что оно попадет в Москву. Во всяком случае, так обещал брату корреспондент, с которым они болтали через двух переводчиков (англо-французского и франко-русского). Брат верил, что эти строки прочитает мать или Андрей.

В письме он признавался, что верит если не в Бога, то в судьбу. Во что-то высшее, что спасло его, что помогает жить и бороться. Еще брат надеялся, что когда-нибудь скажет им, что уже не будет прежним. Но не в письме он это им скажет, а при встрече. Ведь она обязательно будет.

Андрей теперь тоже надеялся на эту встречу. Он не верил,

что путь, которым прошел брат, ничего не изменит.

Заметка третья

Разгорелась в Московском государстве Смута, присягнул Город первому Самозванцу, схватили служилые люди воеводу и окольного, отправили в Путивль на суд новому, еще не коронованному «царю». Скоро Самозванец Мономахову шапку надел, стал планы далекие строить, на Крым серьезную войну затеял. Смута все пуще разгулялась, от края до края государство захватила. Черкасы польские теперь не только по окраинным землям сновали, а и на Москве сели и в прочих городах. Границы оборонять «не стало кому», хлынули из южных степей крымчаки. Брать штурмом Город они никогда не пытались, а лишь «приступали» – запирали гарнизон внутри стен, а сами хозяйничали в округе. Церкви во многих селах в те годы стояли в запустении от татарской войны.

Сменил Самозванца на троне временщик Шуйский, а второй Самозванец, что в Тушине правил, хотел в случае неудачи сюда бежать, на окраину, к донским берегам поближе, к казачеству под заслон. Сгинул от татарской руки второй Самозванец, войско его и казна с печатью атаману Заруцкому достались. Завертел смутный ветер нового претендента на царство. Вместе с ним и «царица законная» – лебедь белая Маринка, на московский престол венчанная, вертелась-скиталась.

Малая южная крепость тем часом приглашенному

на Московское царство королевичу Владиславу не присягнула, держалась ополченческой стороны. В осень, когда перерезали и пленили шляхту в Кремле, бежал от Москвы лиходея Заруцкий с любовницей Маринкой да с выродком ее от второго Самозванца – Воренком. По пятам московская рать Заруцкого стерегла, а с Города порубежного навстречу другое войско вышло. В четырех верстах на север от крепости в урочище Русский Рог зажали казаков Заруцкого. Два дня сеча шла. Разбитый атаман бежал к Дону по Оскольской дороге и ускользнул дальше на юг, под Астрахань.

Роман слышал звуки боя. Гремели пушки за увалом, вкраплениями между взрывами трещала пулеметная частушка. Роман отличал оружие по звуку: отрывисто гавкал «дегтярь», частой строчкой выводил немецкий автомат. Лежа на животе, Роман высунул голову в люк, обернул ее в сторону отступившей красноармейской рати, напряг слух, пытаюсь понять, чья берет. Кажется, там не собирались так просто откатиться к Городу. Битва шла уже не один час, даже солнце меж катков танковых угнездилося, к закату двигалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.